

она является, для него лекарством. Инстинкт животного чувствует, что в нем положена некая определенность, стремление к самосохранению, т.е. весь относящийся к себе организм испытывает определенное чувство недостатка. Поэтому он собирается поглотить эту определенность, он ищет ее как подлежащую истреблению, как неорганическую природу; таким образом, она наличествует для него в менее мощной форме, в форме простого существования» [2, с. 570]. Гомеопатия действенна, когда организм представляет собой некую целостную систему, и в то же время она подтверждает, что Другой не может быть полностью переварен организмом. Однако Другой (внешний) представляется как подобный, но не тождественный «Я» (внутреннему), по этой причине влияние Другого и вызывает болезнь. То есть Другой усиливает то инородное, которое уже содержится в организме. В этом случае возникает диалектика «Я» и Другого. С одной стороны, Другой является внешним по отношению ко мне, с другой «Я» уже содержит в себе часть этого Другого, которое актуализируется при встрече с внешним Другим. В случае, когда инородное, неорганическое уже является частью организма, возникает риск возникновения так называемых аутоиммунных заболеваний, когда организм борется с самим собой, тем самым убивая себя изнутри. Аутоиммунность является не только убиванием себя изнутри, но и убиванием своего «Я», своей личности и идентичности. Теперь под вопрос ставится не оппозиция «Я» и Другого, а «Теперь становится очевидной радикальность постановки под вопрос самого себя, который упраздняет границу между Тем же самым и Другим» [1, с. 54].

Другой вызывает болезнь моего организма, актуализацию скрытой формы иного, которое существует во мне. Чтобы болезнь не перешла в крайние формы и не вызвала смерть, стоит ли избегать контакта «Я» и Другого? Очевидно, что такое не является возможным. Тогда, возможно, для того, чтобы избежать смерти организма необходимо некое дистанцирование меня и другого, так сказать принятие малыми дозами?

Подход, представленный в книге Боянич «Насилие и мессианизм» в связи с необходимостью понять, кто такой враг, можем ли мы говорить о победе над врагом, кто является ближним, кто является дальним, является для философии и философской антропологии очень интересным и требует дальнейшего анализа и осмысления.

Библиографический список:

1. Боянич П. Насилие и мессианизм. Екатеринбург, М. : Кабинетный ученый. 2018. 224 с.
2. Гегель Г. Ф. Философия природы // Энциклопедия философских наук. Т. 2. М. : Мысль. 1975. 695 с.
3. Левинас Э. Время и другой. СПб. : Высшая религиозная школа 1999. 266 с.
4. Левинас Э. Путь к Другому. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та. 2006. 239 с.

Рыжкова Г. С.

Д. В. ПИВОВАРОВ О ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается понимание Д. В. Пивоваровым христианской теологии, ее предмета, проблематики, содержания и исторического развития основных теологических идей и их значения для философского и религиозноведческого знания, для европейской культуры в целом. Данная проблематика представляется по изданным работам Д. В. Пивоварова, а также по его неопубликованной рукописи «Христианская теология» 2004 г.

Ключевые слова: христианская теология, ортодоксия, гетеродоксия, догмат, ересь, Д. В. Пивоваров.

Христианской теологией Д. В. Пивоваров начал заниматься в начале 2000-х гг. Поводом этому стало его намерение читать курс христианской теологии для студентов по специальности «Религиоведение». Разработав общую концепцию курса, он подготовил материал для него, который затем передал в кафедральный фонд. Это была весьма интереснейшая рукопись, о которой стоит сказать подробно, тем более что ее содержимое затем перешло в последующие научные работы Даниила Валентиновича.

Прежде всего, поразителен объем рукописи. Это не 100, и не 200 печатных страниц, но более 1000 печатных страниц – мегабайты и мегабайты! К тому же текст набран 12-ым шрифтом через полтора интервала. В общей сложности он составляет более 60 печатных листов!

Весьма своеобразно дано оформление выходных данных рукописи. На титульном листе сверху надписано: «Уральский государственный университет им. А. Г. Горького. Философский факультет. Кафедра истории и философии религии», затем название: «Христианская теология», внизу: «Екатеринбург, 2004». Авторство указано предельно скромно: «Составитель – проф. Д. В. Пивоваров», и далее: «Текст составлен проф. Д. В. Пивоваровым путем сканирования и сочетания следующих источников:

- Киприан (Керн), архим. Патрология;
- Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие;
- Поснов М. Э. История христианской Церкви; Святоотеческая хрестоматия;
- Хегглюнд Б. История теологии;

Христианство. Энциклопедический словарь в 3 т» [9, ч. 1, с. 3].

Естественно, были указаны далеко не все источники. Несомненно, что их было пересмотрено и отобрано куда больше. Сам Даниил Валентинович впоследствии не раз говорил, что для работы по христианской теологии читал иностранные источники, ведь он свободно владел несколькими европейскими языками и имел доступ в библиотеки Оксфорда и Кембриджа.

Содержание всей работы разделено на 4 части:

Часть 1. Христианская теология в I–IV вв.

Часть 2. Христианская теология IV–VIII вв.

Часть 3. Христианская теология. Православие, католицизм в IX–XVI вв.

Часть 4. Православие, католицизм, протестантизм в XVII–XX вв.

Первое, что обращает на себя внимание в рукописи «Христианской теологии» – подробно выписанная вводная тема, своеобразная теологическая пропедевтика. Тексту предшествует глоссарий, от адамитов – «секты, проповедовавших возвращение к состоянию невинности Адама в момент его сотворения», до экзегетики – «богословской дисциплины, занимающейся истолкованием религиозных текстов» [9, ч. 1. Глоссарий, с. 3].

Далее обсуждается понятие теологии, ее предмет – рациональное познание Бога, с учетом отличия понятия христианской теологии от античного, которое автор находит в том, древние учителя Церкви «уравняли теологию со словом Божиим, Библией» [9, ч. 1. с. 2]. По стилистике это, возможно, несколько резковато, но, по существу, верно: в христианстве, как и других авраамических религиях, имеющих богооткровенное Писание, богословие – не только слово о Боге (это может ставить себе задачей и религиозная философия, и религиозное искусство), но и слово, идущее от Бога. В момент, когда складывается канон библейских книг, в христианстве появляется устойчивая основа богословствования. Об этом и пишет Даниил Валентинович, указывая на разные смыслы понятия теологии в истории христианства, вплоть до современной либеральной теологии, допускающей свободную интерпретацию без соотнесения с текстами Писания. Судя по дальнейшим публикациям, ему и самому хотелось дать свободный независимый ни от каких авторитетов взгляд на проблематику христианской теологии.

Рассуждения по вопросам о специфике христианской теологии и ее ценности для европейской культуры, данные в первичном тексте, затем вошли в печатные работы Даниила Валентиновича. «Богословие, – писал он, – не просто игра схоластического ума и пустое украшение религии. Подчас от богословского истолкования всего лишь одной буквы зависело дальнейшее развитие человечества» [2, с. 17]. Приводит в подтверждение данному тезису влияние богословие Логоса на утверждение в мироотношении европейцев к разуму и слову как творческой ценности, прослеживает значение богословских диспутов с наукой, влияние на культуру и искусство базовыми идеями добра, красоты, гармонии. И заключает: «Теология не сводится к суждениям о трансцендентном, эзотерическом и священном, но касается также главных светских измерений мира (космологии, антропологии, историологии и т.д.). Широта интеллектуальных интересов теологов заставляет их учитывать состояние философии, естествознания, гуманитарных наук, искусства, морали, экономики и политики. В сумме своих многочисленных дисциплин богословие создает своеобразный образ универсума и является универсальной дисциплиной» [2, с. 19].

Оригинальны также и разделы вводной части рукописи «Христианской теологии» о предпосылках христианской богословской мысли – от ветхозаветной книги Иова как первой постановки монотеистической теодицеи до учения о Логосе Филона Александрийского и начальных новозаветных авторов. После вводных определений в 1-ой части начинается собственно история теологии, которая начинается с рассмотрения апостольского Символа веры, речи ап. Стефана (Деян. 7), богословского значения 1-ого апостольского собора (Деян. 15). Особо стоит указать на совершенно личное авторское прочтение посланий ап. Павла (1 Кор., Эф.), и среди них – размышления Даниила Валентиновича о человеке в русле антропологических идей апостола Павла. В «Христианской теологии» содержится набросок решения темы, которая занимала Даниила Валентиновича до последних дней – о соотношении тела, души и духа; плоти и духа в природе человека [3, с. 460–519].

В других частях рукописи, возможно, авторская компонента убывает и материал излагается иногда вынужденно или нарочито компилятивно, более всего используются фрагменты из работ И. Мейендорфа [1] и Б. Хегглунда [8]. Но даже в таком формате выбор персоналий и идей подбирается в соответствии с общей концепцией Даниила Валентиновича. Он подробно излагает не только ортодоксию – принятых Церковью идей богословов, но и осужденных соборами христианских авторов за их еретические учения – гетеродоксию. Так, например, Даниил Валентинович подробно приводит взгляды гностиков Валентина и Василида, примерно в том же объеме, как у св. Ириния Лионского в его работе «Против ересей». Достаточно развернуто рассматривает доктрину Ария, не в меньшем объеме, чем у свт. Афанасия Великого в его «Слове о Боге-Слове и пришествии Его к нам во плоти» Нестория – чуть менее подробно, чем в «Главах» свт. Кирилла Александрийского.

Отчетливо прослеживается особая логика и установка всей «Христианской теологии»: отрицательная ценность – тоже ценность, ибо она пробуждает интеллектуальные силы Церкви для положительного решения проблемы. Результат соборного решения – догмат, который есть не точечная формула, а интервал допустимых мнений, за пределами которых происходит расхождение с церковным единством и вхождение в раскол (схизму). Кстати сказать, в «Христианской теологии» практически нет четких формулировок догматов. По всей видимости, для Даниила Валентиновича более интересны были различия в деталях, чем единство в главном, переливы мысли в их историческом развитии и взаимодействии.

Во 2-ой части рукописи «Христианской теологии», пожалуй, более выпукло выписаны два самых философски и богословски утонченных автора. Первый – св. Дионисий Ареопагит (Псевдо-Дионисий), в обсуждение авторства корпуса Ареопагитик Даниил Валентинович не входит, но излагает содержание идей его явно с интересом и удовлетворением. То же можно сказать и о разделе, посвященном прп. Максиму Исповеднику. В этом же ряду нельзя не отметить прекрасную подборку материалов о блаж. Августине и более всего историю пелагианских споров о свободе и благодати.

В 3-ей части «Христианской теологии» подробнее всего представлен вопрос о доказательствах бытия Бога. У каждого из средневековых схоластов Даниил Валентинович выделяет особым блоком проблему веры (постижения) и знания (рациональной доказуемости) религиозной истины. С обращением к дохристианской философской традиции показывается модель доказательств свв. Ансельма и Фомы Аквинского. В рассуждении о доказательствах св. Фомы Даниил Валентинович особо останавливается на небогословских философских доказательствах – предшественников и последователей св. Фомы. Этот материал нашел свое развитие и концептуальное оформление в специальной его работе «Идея Бога в философии и религии», где Даниил Валентинович специально рассматривает все варианты умозрительных доказательств бытия Бога: космологическое, онтологическое, телеологическое, историческое, моральное, психологическое и историческое [2, с. 69–126], также, но в более сжатой форме они представлены и в «Философии религии» [7, с. 90–113].

4-ая часть рукописи «Христианская теология» посвящена периоду богословской мысли после начала эпохи Просвещения. Даниил Валентинович справедливо видит не только сладкие плоды Просвещения, но и горькую оскомину от их вкушения. Меняется отношение к авторитетам, в том числе к авторитету Библии, в богословие входит принцип либерализации – свобода от следования Писанию. Начало этому положила Реформация и протестантское богословие, но отмечено модернизмом оказалось и католическое, и православное богословие. Модернизм, это не хорошо, и не плохо, это закономерный продукт развития христианской теологии. В модерне были и свои достижения – богословие освободилось от обязательства следовать трафаретным формулам, появилась новая модель богословствования, новая проблематика, связанная с личностным бытием человека.

Особый интерес в этом разделе рукописи Даниила Валентиновича представляет обзор русского богословия – от «Краткого катехизиса» Петра Могилы до деятелей русского зарубежья П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Г. В. Флоровского, В. В. Зеньковского, В. Н. Лосского, архим. Киприана (Керна), иеромонаха Серафима (Роуза). Прот. А. Шмемана – все это в дополнение к классической работе прот. Г. Зеньковского «Пути русского богословия» [7]. Заканчивается материал по богословию мыслью прот. Иоанна Мейендорфа о том, «в секуляризованном мире христиане, а особенно богословы и пастыри должны стремиться к единомыслию и поддерживать друг друга» [9, ч. 4, с. 87].

Начало современной протестантской теологии Даниил Валентинович вполне обоснованно видит в богословии Ф. Шлейермахера [2, с. 10], показывая, как изменился дух протестантской мысли, как входит в нее философское знание, иногда заменяющее теологию. И. Кант, Г. Ф. В. Гегель – их вслед за Б. Хегглюндом он вводит в богословскую традицию их религиозные идеи как реакцию на модернизм Шлейермахера, от себя добавил Ф. Ницше. Далее – К. Барт, Р. Бультман, Д. Бонхеффер, М. Бубер и другие крупные представители европейского и американского протестантского богословия. Из текста «Христианской теологии» трудно понять кого особенно выделяет автор рукописи, но в устных высказываниях большего внимания Даниил Валентинович всегда удостаивал «Систематическую теологию» Пауля Тиллиха. Не раз он говорил: «Тиллих – это Гегель двадцатого столетия». Достаточно часто он цитировал Тиллиха и в поздних текстах, всегда включая его труды в списки рекомендуемой литературы.

Католическое богословие XX в. Даниил Валентинович рассматривает с позиции различения двух направлений. Он различает неосхоластику (идеи кардинала Джона Ньюмана, кардинала Мерсье, Ж. Маритена) и неотомизм, относя к нему большинство известных католических богословов Запада – М. Блонделя, Э. Жильсона, Р. Гвардини, Э. Мунье, Ю. Бохеньского, Г. Кюнга. К. Ранера. Элементы модерна, отмечается Даниилом Валентиновичем, включение новаций, несомненно, есть практически у всех богословов XX в. Действительно, они хотели быть понятыми новым поколением христиан и пытались дать христианское учение в новой доступной для современного человека форме.

Это, пожалуй, основной итог обзора рукописи «Христианской теологии» Д. В. Пивоварова и его работ, выполненных на ее основе: нет вечной теологии. О Боге, утверждал Даниил Валентинович, следует говорить для людей каждой эпохи на языке этой эпохи.

Библиографический список:

1. Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие (Конспекты лекций). М. : Лучи Софии. 2007. 384 с.
2. Пивоваров Д. В. Идея Бога в философии и религии: монография Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2012. 180 с.
3. Пивоваров Д. В. Категории онтологии: Учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2016. 552 с.
4. Пивоваров Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов: монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2013. 248 с.
5. Пивоваров Д. В. Онтология религии: монография. СПб. : «Владимир Даль». 2009. 505 с.
6. Пивоваров Д. В. Философия религии: Учеб. пособие. М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга. 2006. 640 с.
7. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. М. : Ин-т рус. Цивилизации. 2009. 848 с.
8. Хегглунд Б. История теологии. СПб. : Светоч. 2001. 370 с.
9. Христианская теология / сост. Д. В. Пивоваров. В 4 ч. Екатеринбург. 2004. (Рукопись). 1014 с.

Савцова Н. И.

МОЛЧАНИЕ ИКОН: К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОМ «ВОПРОШАНИИ»

Аннотация. В статье рассматривается проблема уникальности феномена православной иконы, ее смысла, который находит выражение в формах «не концептуального» философствования, когда речь идет о восприятии и понимании иконы.

Ключевые слова: вопрошание, философское вопрошание, не концептуальное вопрошание.

Содержание статьи связано с рассмотрением двух философских проблем: наличии уникального антропологического опыта существования человека, который нашел воплощение в религии, религиозном сознании, религиозной практике, разных их исторических формах, вне которых невозможно понять и объяснить феномен иконы, иконописания, иконопочитания.

Вторая проблема связана с попыткой понять и объяснить, почему после столь длительного забвения – «Молчания икон», возрождение религиозного сознания, православия в России, православной культуры началось с возрождения повсеместного интереса к иконам. Востребованность их в современном российском обществе огромна. Их количество в восстановленных и вновь построенных храмах, монастырях, церковных общинах постоянно увеличивается.

Обе проблемы раскрывают способ философского «вопрошания», как неконцептуального философствования, связанного с феноменологическим содержанием православной религиозной культуры, который нашел выражение в иконе. Концептуальное философствование – понятийное, категориально образованное знание, постигаемое в акте рационального познания. Неконцептуальное философствование имеет иное основание: эмоционально-чувственное переживание, постигаемое в акте веры, в основе которого – жизненный мир человека. «Молчание икон» – «вопрошание» о субъективном опыте переживания утраты человеком мира духовных феноменологических ценностей, основанных на акте веры. Возврат икон в духовную культуру современной России способствует возврату этих ценностей. Каким путем человек открывает для себя мир ценностей? Нужны ли они ему в мире современной реальности? Есть сомнения, что реанимация духовных ценностей православия, интерес к ним не даст желаемого результата, так же как и реанимация религиозных чувств и эмоций. Данное суждение имеет основание, если ограничить содержание икон только его богословским смыслом. Но этого недостаточно для понимания сущности и роли икон в духовной культуре современного общества.

Современный человек, высоко оценивая русскую икону, не знает и не понимает ее смысл. Что она для него значит? Какое содержание скрыто за ее символикой? Почему ее нет в иных формах религиозного сознания и культуры, а в православии, православной культуре икона является ее основой? В настоящее время русская икона вышла за пределы собственно православной культуры, она является явлением мировой культуры. Что является причиной такого явления? В том то и дело, что содержание иконы, содержит в себе то, что выходит за пределы ее только богословского смысла.

Икона – это не только станковые художественные произведения, росписи храмов, мозаики, фрески, домашние иконы, с их атрибутивными свойствами – символичностью и каноничностью. Храмы, их внутреннее пространство представлено иконами, но и сами храмы, их архитектура является иконой. Местоположение храмов, окружающее их пространство, архитектурный образ, его содержание и смысл наполнено общим для икон смыслом.